

4. Merriam-Webster Learner's Dictionary [Electronic resource]. — Merriam-Webster, Incorporated, 2017. — Mode of access: <http://www.learnersdictionary.com>. — Date of access: 24.01.2017.

5. The free dictionary by Farlex: Idioms and phrases [Electronic resource]. — Farlex, Inc., 2003 — 2017. — Mode of access: <http://idioms.thefreedictionary.com>. — Date of access: 24.01.2017.

6. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокриенко, С. Г. Шулежкова. — М. : Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. — 624 с.

УДК 821.111-313.2“1909”

А. В. Лаврентиков

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИУТОПИИ В ПОВЕСТИ Э. М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Введение. Повесть Э. М. Форстера «Машина останавливается» представляет собой фантастическую антиутопию о далеко зашедшей зависимости людей от техники. Повесть написана в 1909 году, уже тогда Форстер смог предсказать достижения в техническом развитии общества XXI века: появление сети Интернет, видеоконференций, социальных сетей.

Сюжет повести «Машина останавливается» разворачивается в эпоху тотальной механизации. В центре государственной идеологии — культ Машины. Когда-то люди строили машины, чтоб сделать свою жизнь как можно более комфортной. Теперь они не могут и представить себе существование без всемогущей Машины, обеспечивающей их пищей, водой, воздухом, книгами, связью и всем, что только можно себе представить. Мало кто задумывается над тем, что Машина полностью подчинила себе людей, а того, кто задумается, ждет неминуемая кара — лишение крова и изгнание на безжизненную поверхность Земли. Люди полностью зависят от Машины: она даёт им жильё, еду, одежду; религии не существует — её заменила Машина:

“The Machine,” they exclaimed, “feeds us and clothes us and houses us; through it we speak to one another, through it we see one another, in it we have our being. The Machine is the friend of ideas and the enemy of superstition: the Machine is omnipotent, eternal; blessed is the Machine” [1, с. 17].

Мир цивилизации совершенен, выверен до мелочей и полностью предсказуем. Люди живут в искусственно созданном городе под землёй, в небольших комнатках правильной формы, напоминающих ячейки и оборудованных всем необходимым для существования, включая искусственный воздух. Считается, что на поверхности земли остались только растения, в то время как разумная жизнь давно исчезла. Повседневность выверена до мелочей, размеренна и предсказуема. Человек полностью автономен, самодостаточен и не нуждается в социальных контактах. Все его потребности безотлагательно обеспечиваются Машиной. Но Машина также не вечна и ломается, что влечёт за собой крах цивилизации.

Основная часть. В ходе исследования нами были выявлены следующие жанровые элементы антиутопии [2] в рассматриваемой повести:

1. Повесть написана в жанре научной фантастики, близком по своей модели к антиутопии.

2. Автор описывает деградацию общества, ведущую к уничтожению цивилизации: *Yet the attempt to “defeat the sun” aroused the last common interest that our race experienced about the heavenly bodies, or indeed about anything. It was the last time that men were compacted by thinking of a power outside the world. The sun had conquered, yet it was the end of his spiritual dominion. Dawn, midday, twilight, the zodiacal path, touched neither men’s lives nor their hearts, and science retreated into the ground, to concentrate herself upon problems that she was certain of solving* [1, с. 8].

3. Антиутопия подчёркивает наиболее опасные, с точки зрения автора, общественные тенденции (люди живут изолированно, избегают общения друг с другом, детей в раннем возрасте отнимают у матерей и отдают на воспитание государству, всех младенцев при рождении осматривают, сильных и здоровых детей уничтожают, оставляя жить только слабых, способных комфортно себя чувствовать в условиях вынужденного бездействия, физическая сила была недостатком, способным существенно осложнить жизнь, даже смертность регулировалась Машиной в строгом соответствии с рождаемостью). С одной стороны, это имело разумное объяснение: в тех условиях жизни, которые диктовались Машиной, он никогда не был бы счастлив. С другой стороны, люди постепенно отвыкли проявлять инициативу и терялись даже в простейших бытовых вопросах. Показательным в этой связи является эпизод в самолёте, когда один из пассажиров уронил священную Книгу и стоял в растерянности, не зная, что делать дальше. Это незначительное событие вызвало всеобщее замешательство. Если что-нибудь падало на пол в комнате, пол автоматически поднимался, а в самолёте такое устройство не было предусмотрено. Человек, которому она принадлежала, вместо того, чтобы нагнуться и поднять ее, в недоумении шупал мускулы на правой руке. Все ушли на посадку, а Книга осталась лежать там, где упала.

4. Антиутопия — динамический жанр. Для неё характерно стремление исследовать перспективы совершенствования технических средств (как правило, приводящего к нарастанию негативных тенденций, что нередко приводит к кризису и обвалу). Эта особенность прослеживается в повести на примере эволюции механизмов, обеспечивающих жизнедеятельность человека. Сначала они действительно упрощают жизнь и приносят пользу. Уже на первых страницах повести читатель встречается с описанием комнаты Вашти, одного из центральных персонажей, лектора, специализирующегося в музыке австралийского периода. Вашти окружена различными механизмами, кнопками изоляции, экранами, световыми регуляторами, выключателями и прочими «благами» эры Машины, что позволяет ей читать десятиминутные лекции, не покидая своей комнаты. При помощи одних кнопок женщина получает пищу и одежду, для доставки литературы существуют другие, для общения с друзьями — третья. Однако доступность минимальных благ цивилизации постепенно приводит к утрате интереса к окружающему миру, который «не будит мыслей». Люди перестают подниматься на поверхность земли, воспринимая технические и интеллектуальные достижения предыдущих поколений как анахронизм, не имеющий практического применения.

Advanced thinkers, like Vashti, had always held it foolish to visit the surface of the earth. Air-ships might be necessary, but what was the good of going out for mere curiosity and crawling along for a mile or two in a terrestrial motor? The habit was vulgar and perhaps faintly improper: it was unproductive of ideas, and had no connection with the habits that really mattered. So respirators were abolished, and with them, of course, the terrestrial motors, and except for a few lecturers, who complained that they were debarred access to their subject-matter, the development was accepted quietly. Those who still wanted to know what the earth was like had after all only to listen to some gramophone, or to look into some cinematophote. And even the lecturers acquiesced when they found that a lecture on the sea was none the less stimulating when compiled out of other lectures that had already been delivered on the same subject [1, с. 16].

Более того, стремление получить информацию, не предусмотренную Машиной, стало считаться дурным тоном. Оригинальные идеи, полученные из личного опыта и непосредственного восприятия, порицались. Наука основывалась на пересказе и компиляции написанного ранее.

“Beware of first-hand ideas!” exclaimed one of the most advanced of them. “First-hand ideas do not really exist. They are but the physical impressions produced by live and fear, and on this gross foundation who could erect a philosophy? Let your ideas be second-hand, and if possible tenth-hand, for then they will be far removed from that disturbing element-direct observation. /.../ And in time” — his voice rose — “there will come a generation that had got beyond facts, beyond impressions, a generation absolutely colourless, a generation free from taint of personality, which will see the French Revolution not as it happened, nor as they would like it to have happened, but as it would have happened, had it taken place in the days of the Machine” [1, с. 16].

5. Антиутопии характерна антропоцентричность: сюжет произведения строится на противопоставлении личности (в повести это Куно, сын Вашти, который, несмотря на угрозу изгнания, равноценного смерти, находит несанкционированный выход из подземного города на поверхность земли) и окружающей среды (в нашем случае — Машина и её службы — Генеральный совет и Комитет ремонтного аппарата).

6. Антиутопия отражает мир без чувств, мир, в котором господствует рационализм. Рассматриваемый принцип иллюстрирует встреча Вашти и Куно после многолетней разлуки. Вашти не видит смысла в личной беседе с сыном, приехав к нему, не находит ничего нового, никаких отличий по сравнению с собственной комнатой в противоположном полушарии. На стенах такие же кнопки и выключатели, такая же подставка с Книгой, в комнате та же температура воздуха и то же освещение. Более того, вид сына не вызывает у Вашти абсолютно никаких эмоций, она даже не подаёт ему руку, так как это противоречит принципам воспитания «механического» общества.

7. В антиутопии повествование ведётся от имени человека, ставшего жертвой нового социального устройства. Все события передаются через призму его восприятия и отношения, что позволяет проследить и проанализировать чувства человека — одного из многих, чья жизнь изменяется не в лучшую сторону в условиях «идеальной» государственности. В повести «Машина останавливается» повествование ведётся от третьего лица. Субъективный характер повествованию придаёт наличие прямой и несобственно-прямой речи, позволяющей читателю услышать голос непосредственных участников событий. Один из самых ярких фрагментов повести — монолог Куно, в котором он пытается разъяснить Вашти истинное положение дел, убедить её, что цивилизация в том виде, в каком она существует сейчас, обречена.

Cannot you see, cannot all you lecturers see, that it is we that are dying, and that down here the only thing that really lives in the Machine? We created the Machine, to do our will, but we cannot make it do our will now. It was robbed us of the sense of space and of the sense of touch, it has blurred every human relation and narrowed down love to a carnal act, it has paralysed our bodies and our wills, and now it compels us to worship it. The Machine develops — but not on our lies. The Machine proceeds — but not to our goal. We only exist as the blood corpuscles that course through its arteries, and if it could work without us, it would let us die [3, с. 13].

Заключение. В антиутопической повести «Машина останавливается» Э. М. Форстер раскрывает негативные социальные последствия технического прогресса. Это «произведение-предупреждение» [3], в котором автор показывает, как обезличивание отношений, их искусственность и регламентированность препятствуют развитию и совершенствованию человека как личности, тем самым уничтожая его сущность и жизнь на Земле как таковую.

Список цитируемых источников

1. Forster, E. M. The Machine Stops [Electronic resource] / E. M. Forster // Goodreads. — Mode of access: https://www.goodreads.com/ebooks/download/135676.The_Machine_Stops_and_Other_Stories. — Date of access: 17.02.2018.
2. Шишкина, С. Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики : утопия — антиутопия — научная фантастика. Век XXI [Электронный ресурс] / С. Г. Шишкина // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. — Режим доступа: <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/node/261>. — Дата доступа: 20.02.2018.
3. Половцев, Д. О. «Сумерки общества» в повести Э. М. Форстера «Машина останавливается» / Д. О. Половцев // Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14—15 окт. 2016 г. / редкол. : Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. — Минск : МГЛУ, 2017. — С. 126—128.

УДК 81'34

Т. А. Литвинкович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ОСЛЫШКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПЕСНЯХ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ШОКА

Введение. Изучение языка — зеркала человеческого духа в понимании Г. В. Лейбница [1, с. 67] — и речевой деятельности как когнитивных феноменов является важнейшим шагом на пути познания таинства концептуализации и интерпретации действительности, осознания и описания индивидуальной картины мира как области порождения субъективных смыслов.

Большинству людей, занимающихся изучением языка, хорошо известно понятие культурного шока. Сам по себе этот термин обозначает состояние удивления человека или даже неприятия им фактов культуры изучаемого языка [2]. В сознании человека возникает конфликт элементов двух культур: старых норм, к которым он привык, и новых, предоставляемых для него иным обществом. Культурный шок исчезает по мере знакомства с чужими традициями, по мере того, как родная культура, с компонентами которой происходит сравнение новых фактов, перестает быть определяющей в оценочном восприятии мира.

В межкультурном общении существует ещё один феномен — лингвистический шок. Это явление можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, которое возникает у слушающего при общении с носителем иностранного языка, когда он слышит в иноязычной речи языковые составляющие (элементы), звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично. Комичный эффект в отношении иностранного языка возникает в тех случаях, когда нейтральное по значению слово одного языка омонимично слову родного языка, обладающему совершенно другим значением [3].

Причиной лингвистического шока при восприятии иноязычной устной речи, кинотекста или вокала может быть не только межъязыковая омонимия, но и ослышка, которая до сих пор не изучена в достаточной степени как психолингвистический феномен, несмотря на то, что механизму ослышки свойственен ряд не только фонологических, но и семантических закономерностей [4]. Этим определяется актуальность данной научной работы, в которой рассматривается семантическая обусловленность ослышек в англоязычных песнях.

Основная часть. Следует отметить, что ослышки — преобразования и деформации звучащего текста или его фрагмента — являются одной из разновидностей ошибок речевой коммуникации, наряду с оговорками, описками и очитками. Словарь С. И. Ожегова определяет ослышку как «ошибку слуха, вследствие которой сказанное принимается за другое, сходно звучащее» [5, с. 462].

Помимо случайного звукового сходства слов или фраз, исследователями упоминается ряд других факторов, определяющих порождение ослышки. С точки зрения Т. Гридиной, каждый человек при восприятии текста на слух и его понимании опирается на собственные ожидания, определяемые его предыдущим опытом и вытекающими из него стереотипами восприятия (непонятное, незнакомое воспринимается через призму понятного и актуального) [6]. С позиции когнитивной лингвистики ослышки описываются как когнитивные искажения восприятия, ведущие к образованию новых текстов, создание которых порождается состоянием, близким к когнитивному диссонансу: слушатель подсознательно стремится к снятию трудностей, связанных с непониманием иностранных слов [7].

Целью данного исследования является выявление семантических механизмов ослышек, возникающих у русскоязычных слушателей англоязычных песен.

Для достижения цели в ходе исследования решались следующие задачи: 1) составить выборку англоязычных песенных единиц, послуживших триггерами для ослышки при прослушивании песен носителями русского языка; 2) определить семантический состав слов-ослышек, услышанных в англоязычных песнях русскоговорящими слушателями, а также исходных англоязычных выражений; 3) классифицировать англоязычные лексические единицы, провоцирующие ослышки, и русскоязычные слова-ослышки по семантическому составу.